

Но ведь вы поссорились в последние годы жизни Анатолия Васильевича? С вами даже связывают его уход из театра и оказавшийся столь трагическим для Мастера переход на Таганку.

— Сплетни это все. И легенды. Каких много и которые возникают без чьего-то злого умысла. Про наш театр ходит много разговоров: съели одного главного режиссера, другого предали — Учителя... Глупости это все! Вот и Марк Захаров предупредил Женовача, нашего нынешнего главного: Бронная — опасная улица.

Да, испортились когда-то наши отношения с Анатолием Васильевичем. Ни по его вине, ни по моей. Он однажды сказал в газетном интервью: вся труппа — возмнившие себя гениями или расстроенные балалайки. Я был ни в тех, ни в других. А труппа сникла. Меня тоже эти слова укололи. На дурацких собраниях он выступил, что его не так поняли. Вмешались люди, поссорили. Кому-то было выгодно свалить собственную вину. Одни говорили неправду, другие, не желая оправдываться, молчали...

— Понимаю, что вам, видимо, не просто об этом вспоминать. Но, может быть, пришло время сказать вслух то, о чем молчали долгие годы. Сказать правду о том злополучном собрании, после которого Эфрос ушел.

— Да я могу дать стенограмму этого собрания. На нем не было ни одного выступления со знаком минус в адрес Эфроса. Не так все было просто. Мог бы все проанализировать. Но никому не хочется причинять боль. Живые люди — участники драмы. Не хочется придумывать легенды. Да, у Эфроса осложнились отношения с труппой. Может быть, действительно имело место смешение разных групп крови. Ему могло захотеться другого, нового. Маэстро имеет право на разочарование в своих актерах, хотя это для всех больно. Полемика?! Да никогда я с ним не вступал в полемику, понимая, с кем имею дело. Всегда ощущал себя ценком рядом.

— Я помню одну из последних репетиций спектакля «Мертвые души». Спектакль не очень ладился. Эфрос нервничал. Много раз повторял сцену с Козаковым, тот играл Гоголя. Сам показывал.

— Он вообще часто показывал. И замечательно.

— Но тут он явно нервничал. И вдруг из световой ложи, сверху, раздался голосок Ольги Яковлевой. Она сидела в гриме, костюме Коро- бочки, помните, она сделала себе

такие смешные пухлые щечки: дядька, гони ты их в шею, этих режиссеров! Может быть, Эфрос был не доволен тем, что вы, Козаков сами становились режиссерами и выходили из-под его воли.

— Этого эпизода не помню. Но режиссером меня сделал сам Эфрос. Я был у него ассистентом еще на «Кольке» в Центральном детском, где мы оба начинали. Тогда в 50—60-е годы это был невероятный театр и невероятное счастье. А я придумал начало и финал спектакля, когда все замирали на спортплощадке, а потом выбегала Инна Гулая, била портфелем и кричала «Перемена!», и все приходило в движе-

Москвиним... Он был во всем, что касалось творчества, очень жестоким, порой беспощадным. И к себе тоже. К себе в первую очередь. Иногда расстроенный выходил с худсоветов, говорил мне: пойдём, поговорим.

У нас это вообще, как ритуал было: ну пойдём, поговорим...

— Ты чего стал жесткий?

— А мне, Анатолий Васильевич, может спросить? А вы почему жесткий?

— Попробуй с вами не стань.

— И у меня жизнь тяжёлая...

Наши беседы длились часами. Как и его репетиции. Он не укладывался в рамки расписаний. Уходил со сцены, переходил в гримборную... Помню,

танного.

В распределении ролей потом я был назначен на Жевакина. Но у меня даже вопросов не возникло. Когда лидирует Маэстро, художник, которому ты беззаветно веришь, когда ты его обожаешь, все вопросы решаются. Скажи он: ты мне больше не нужен, — я тут же бы ушел, не подумав о том, что буду есть...

А Жевакин у меня долго не ладился. Эфрос всегда предлагал очень сложный рисунок, а я пока не овладевал им, становился назойливым, раздражительным, мучил партнеров... Слышу, как Эфрос говорит Яковлевой: мне так жалко Левку, это будет первая его неудача... Боровский придумал белые

мый, замечательный спектакль. И работа ваша там, так же, как Яго, капитан Снегирев, сделанные с Эфросом, — вершинные создания, каких вам самому, по-моему, не удавалось больше достичь.

— Да, я жил в празднике, в ренессансе. 27 лет был вместе с лучшим режиссером в мире. И себе сказал честно: я доживаю свой век, мне больше никогда не встретить своего режиссера и никогда не сыграть так, как было.

— А как он относился к вашим ролям, сделанным без него?

— Ну вот после «Весельчаков», в которых я играл вместе с Леной Каневским, прислал письмо: вы оба замеча-

ются сочетаемыми эти понятия?! Вот в больнице недавно побывал. Полтора месяца провалялся. Отдыхал. Побывал в другом измерении.

— Но вот у вас режиссерская премьера «Страсти по Торчалову» и, кажется, успешная. В Школе современной пьесы вы играете в трех спектаклях «Дон-Кихот», «Миссис Лев», «Все будет хорошо, как вы хотели».

— Играю. А что делать? Деваться некуда. На днях премьера фильма в Доме кино «На заре туманной юности». Еще спасает кино. Снялся у Володи Машкова в «Сироте казанской», мы там вторым: я, Табаков и Гафт — претенденты на

одной из газет появилось большое интервью вашего нынешнего творческого руководителя Сергея Женовача. Он там говорит о многих своих разочарованиях. Как складываются ваши отношения? От этого тоже, известно, многое в творческой судьбе актера зависит.

— Лично хорошо отношусь. И был одним из инициаторов его прихода в театр. Вы не против? — спросил он меня тогда. Он захотел быть главным режиссером и прийти со своими актерами. Я спросил его про первые шаги и что он собирается делать. Надо объединять труппу, чтобы была единая семья. Нужны гастролы. Ответы меня удовлетворили. А на деле оказалось все иначе: он ставит спектакли, в основном занимая лишь своих артистов. Я как-то прочел у Леонидова странную запись: актеру не так важен успех самого, сколько провал партнера... Я не согласен. Я всегда радуюсь успеху всех. У меня были сложные отношения с Броневым, мы иногда годами не здоровались. Но когда у него была удача, я заходил к нему в гримборную, поздравлял, говорил: у вас замечательная работа — а назавтра мы снова не здоровались. Мне, может, не все нравится в работах Женовача. Ну я, наверное, оказался единственным, кому не понравились «Пять вечеров». Пьеса про любовь, а мне кажется, там никакой любви нет. И ностальгии нет. А если есть, то по чему?! Что же мне врать или молчать?!

Сегодня проблема театров — не в контрактной системе, а в лидере. По сути режиссер — лидер или только по должности. Ведь если бы тот же Марк Захаров или Олег Табаков сказали бы любому из своих актеров, что они не видят перспектив сотрудничества, вряд ли бы у того возникло желание подавать в суд и настаивать на работе. Актеры всегда знают, с кем имеют дело. Мы пережили когда-то уход Л... Это была трагедия. Что дела... Вот Женовач пишет: театры должны легко рождаться и умирать. Нет, нельзя легко рождать и легко умирать. Это — неправда. Я сам ничего не боюсь. Прожита жизнь. Все видел, все знаю. Мне ничего не страшно. А за других людей, за своих коллег страшно. Каждый главный режиссер поступит, как он захочет: ничего, приспособится, не сдохнет! А если — сдохнет? Ну и наплевать! Пускай! У нас ведь и работающий актер находится на грани выживания. Повторяю, я — не про себя. Если я решу, что не должен выходить на сцену, я уйду. А ведь многие держатся за театр, потому что иначе выжить не смогут.

Анна КУЗНЕЦОВА

Фото Александра ЯКОВЛЕВА
(ИТАР-ТАСС)

Лев Дуров:

«Нельзя легко рождать и легко умирать»

Когдаходишь в комнату Льва Константиновича Дурова, что в Театре на Малой Бронной (а он там не только актер, но и режиссер), как бы попадаешь в музей собственной жизни. По стенам афиши: «Друг мой, Колька!» 1956 год, Центральный детский театр. Булгаков—Мольер, 1967 год, Театр имени Ленинского комсомола. Над столом — большой известный портрет Эфроса, поднята рука, взлохмачены волосы, усталое озабоченное лицо, грустные глаза... Несколько фотографий в киношных ролях самого Дурова, эскизы его театральных костюмов. Конечно же, в этом музее самый интересный экспонат — его хозяин. Экспонат и экскурсовод одновременно.

Век. Москва — 1997. —
20 ноября — с. 12

«Это афиша запрещенного эфросовского спектакля «Три сестры», — ведет меня по своей экспозиции Лев Константинович, — сыграли 33 представления по числу лет Христа и сняли... А это запрещенная афиша. Как думаете, почему? Ни за что не догадаетесь. «Николай Волков, Леонид Бронева, Михаил Козаков, Ольга Яковлева, Лев Дуров, Антонина Дмитриева и А. В. Эфрос приглашают вас на «Женитьбу» Н. В. Гоголя». Нам сказали, кто имеет право приглашать в Государственный театр?! При чем тут режиссер и актеры?

В кабинете Дурова до сих пор царит Анатолий Эфрос, кумир моего поколения, режиссер, учитель.

брюки, лаковые сапоги, мундир с эпохами. А я возьми и надень на одном из прогонов старый задрипанный мундир, сношенные ботинки, усы наклеил, грим сделал. Я-то ждал, боялся, чего он скажет. А он мимо проходит: да, Лев, че ты, усы что ль приклеил, мундир сменил... Оставь. И все мгновенно встало на место. Он вообще мне говорил: «Лев!..» — и я уже понимал, чего он от меня хочет, что мне надо сделать...

— «Женитьба» был незабываемым, лаковые сапоги, мундир с эпохами. А я возьми и надень на одном из прогонов старый задрипанный мундир, сношенные ботинки, усы наклеил, грим сделал. Я-то ждал, боялся, чего он скажет. А он мимо проходит: да, Лев, че ты, усы что ль приклеил, мундир сменил... Оставь. И все мгновенно встало на место. Он вообще мне говорил: «Лев!..» — и я уже понимал, чего он от меня хочет, что мне надо сделать...

— Какой-то грустный у нас с вами получается разговор. И все — о прошлом. Давайте о настоящем и веселом.

— Да? А вам ка-

пришел я к нему в больницу после первого его сердечного приступа, он мне говорит: решил ставить «Женитьбу».

— Зачем, она же была в детском?

— Буду по-другому ставить, подальше от водевиля, ближе к «Шинели»...

Потом мы долго ходили вокруг больницы, хохотали, он мне проиграл весь будущий спектакль. Кого ты хочешь играть? Кочкарева, наверное.

— А что если Подкалесина?!

— Ну что вы? Это же русский Гамлет. — Не будь гимназисткой, не ломай- ся. Тебе надо выбираться из нарабо-